

Имя **НИКОЛАЯ КЛИМОНТОВИЧА**, одного из авторов опально-го «Каталога», неразрывно связано с литературным андеграундом 70—80-х годов. После своего дебюта книгой прозы «Ранние берега», выпущенной «Советским писателем» в 1977 году, на родине можно было прочесть только его научно-популярные статьи. За границей Н. Климонтович печатался, но тоже не слишком громко. Лишь после тринадцатилетнего перерыва, в 1990 году, издательство «Советский писатель» выпустило новую книгу прозы «Двойной альбом». В театрах страны начали ставить его пьесы. (В Москве хорошую прессу получили два спектакля Международного театрального центра им. М. Н. Ермоловой — «Снег. Недалеко от тюрьмы» и «Бесноватая».) В журналах стали появляться рассказы, эссе, статьи.

9.06.93

К

АК ЖЕ состоялся твой литературный дебют?

— Я всегда что-то писал. Класа с седьмого. А математическая школа № 2 — знаменитая в свое время — кому-то помогала осваивать естественные науки, а кому-то открывала как раз литературные горизонты. Скажем, в восьмом классе у нас преподавал литературу Анатолий Александрович Якобсон. О нем бы отдельно рассказать... Так вот, в шестидесятых годах мы «проходили» Белля, Солженицына, Мопассана, Чехова, а читать «Новый мир» нам задавали на дом. Якобсон открыл мне Ахматову и Мандельштама, Пастернака и Цветаеву. А на сочинении об Эдгаре По, написанном в виде рассказа, начертал: будешь писать. Я и пишу.

Москва. Комсомолка. — 1993. — 9 июня

прозы не было. Так поддержали молодой талант.

— В твоей статье-воспоминании о судьбе «Каталога» мне почудилась ирония. Действительно, все протекло безмятежно? И страшно не было?

— Было. Козловского посадили, Бермана выслали из страны, меня возили на допросы в КГБ, в моей квартире был обыск... Когда много лет тебя не печатают и не ставят твои пьесы — это очень неприятно, а для многих — настоящая трагедия. Мои коллеги шли в кочегары и в могильщики. А чернуха, жизнь в подполье накладывает отпечаток на характер человека, на его творчество. И слава Богу, что у меня была возможность зарабатывать пером — я много работал в журналистике. А ведь для других и этот путь был закрыт.

Конечно, начало 80-х было особенно противным периодом. Но всегда было и

— Как ты оцениваешь нынешнюю театральную ситуацию? Ведь кругом просто стон стоит — театр гибнет, никто в него не ходит...

— Да ничего подобного! Последний сезон в Москве открылся рядом блестящих премьер: во МХАТе «Горе от ума» — народу битком. Виктюк показал «Лолиту» Олби — яблоку негде упасть. Чеховский фестиваль прошел в общем удачно. На полных парах работает Миша Макиев в Театральных мастерских, Леша Левинский — в Международном театральном центре им. М. Н. Ермоловой. И это первое, что приходит на ум. Нет, как раз в театре намечается явственный ренессанс. Помимо того, что публика устала от толстых журналов, видео и дурного кино, она устала и от разьединенности, одиночества. А театр — это не только зрелище, но и общение.

— Ты описываешь весьма оптимистическую ситуацию. Примеряешь ее на себя?

Бывший аутсайдер бывшей советской

— Эти уроки и определили твои литературные вкусы?

— Тогда мы читали море самиздата: Платонов, Волошин, чуть позже Гроссман, «Раковый корпус» и «Круг», рассказы Шаламова, всего не перечислить. Потом стал приходиться «тамиздат». Начало семидесятых — первые книжечки Набокова в издании «Ардиса». Ну вот Набоков нас всех и травмировал. Мне было двадцать с небольшим, когда я прочел «Защиту Лукина», «Приглашение на казнь». Потом «Лолиту» и «Дар». «Темные аллеи» были забыты, и Чехов оказался на полке. Это было наркотиком. Так что большевики правильно Набокова запрещали — он оказал огромное влияние на литературные вкусы моего поколения.

— Но по образованию ты все-таки физик?

— Из университета с четвертого курса меня отчислили. Там была не совсем понятная история. Я ведь под колпак КГБ попал рано: Толя Якобсон и после моего окончания школы приходил к нам в дом, а он был основателем знаменитой диссидентской «Хроники текущих событий». Я гордился, помню, что у него на обыске взяли и мои первые рассказы. С другой стороны — Валя Турчин был приятелем отца, тот самый Турчин, что вместе с Сахаровым и Чалидзе писал первые правозащитные меморандумы. Но, возможно, дело и не в КГБ. Я и впрямь был нерадивым студентом. И физика меня мало интересовала. Так что потом я заканчивал педагогический институт.

— У тебя был хороший дебют: в 26 лет книжка в «Советском писателе»...

— Да и не только это. Издательство тут же заключило со мной договор по заявке на новый роман. В те времена это было редкостью.

— За какие заслуги?

— Тогда была очередная кампания по работе с молодыми, объявленная сверху. А уж моложе меня из авторов редакции

литературы

другое: просто жизнь, любимые женщины, путешествия, книги, собственное писательство. Разве этого мало, чтоб не унывать?

— В «Двойном альбоме» помимо романа, о котором ты упомянул, есть еще и вторая книга — рассказов о фотографировании. Прочитав ее, я поняла, что ты принадлежишь к тому движению в нашей прозе, которое в критике имеет название «новой волны». Однако я никогда не встречала твоего имени в перечислении: Ерофеев, Попов, Пьецух, Толстая...

— Что и замечательно. Ведь глупо говорить о том, что эти авторы представляют некую «новую волну» в словесности: они очень разные: одни — новее, другие — не очень. Это «новая волна» в общественно-социальном смысле. Они когортой составили как бы новый литературный истеблишмент, недаром мы все почти ровесники. Ну, а в истеблишмент не записываются. Это итог тактики, политеса, дипломатии и хорошо поставленной рекламы. Ну и выдумки критиков, сочувствующих на трибуне той или иной команде. Но, отбросив сторонние соображения, можно сказать, что каждый все равно кончит за собственным столом в одиночку. К слову, все перечисленные тобой — мои знакомые, приятели и товарищи.

— Ты пишешь новую книгу?

— Да. И, увы, на сей раз без договора. Она называется «Дорога в Рим». Роман в новеллах. Это авантюрный роман, герой которого, меняя женщин, питает иллюзию, что приближается к некоей заветной цели. По форме это все равно вроде записок Казановы. Или манновского «Феликса Круля».

— Я говорю лишь о первых симптомах оживления. Повсюду играют классику. Это хорошо: скоро заиграют и нас, современников.

— А пока?

— Есть кое-какие проекты. По просьбе Лодзинского театра и Валерия Фокина написал пьесу по роману «Братья Карамазовы». Недавно закончил пьесу для американцев.

— Как называется?

— «Русские едут как во сне». Про некоего господина моих лет, который уехал в 70-х в Штаты, а сегодня хотел бы вернуться в Россию. Это — для чикагского «Органик-Сиатр». Бог знает — понравится ли им?

— А что ты думаешь о сегодняшней жизни? Ты ею доволен?

— В бывшем Советском Союзе все было искусственно, все было придумано: экономика с общенародной собственностью, цены, засилье КПСС и КГБ. Когда открылась вся эта омерзительная ложь, я удивляюсь, что мы еще не живем по карточкам. Я предполагал, что будет гораздо хуже. Конечно, уровень жизни низкий. Но все в конце концов сбалансируется. Признаться, меня это мало занимает. Меня беспокоит издательское дело, которое умирает прямо на глазах. Книжки современных авторов почти не выпускают. Да это и естественно. Литература начинает занимать свое место. Почетное, но скромное.

Беседу вела Наталья СЕЛИВАНОВА.